

**«СОБРАНИЕ» ГИППИЯ —
HANDBOOK ДЛЯ МУДРЫХ**

Р.В. СВЕТЛОВ

Даже несмотря на очевидный ренессанс интереса к Первой Софистике в последние десятилетия, Гиппий из Элиды достаточно редко рассматривается в контексте истории античного образования. Да и свидетельства о его философских воззрениях не трактуются как что-то значимое в развитии античной философской мысли. В большей степени Гиппия считают представителем зарождающего жанра доксографии. Между тем есть возможность попытаться рассмотреть свидетельства о его творчестве, учении, жанре его произведений с точки зрения становления «высших» уровней античного образования, предназначенных для успешных и автаркичных членов античного общества. Отметим, что этот социальный типаж возникает именно в эпоху Первой софистики. Центральным предметом нашего исследования в этом контексте становится сочинения Гиппия «Собрание». Несмотря на минимум информации об этом тексте, находящемся в распоряжении современного исследователя, имеется устойчивая тенденция связывать именно с «Собранием» целый ряд свидетельств о творчестве Гиппия. Мы постараемся показать, что гипотетическое содержание «Собрания» достаточно хорошо соответствует имеющейся информации о типе мудрости Гиппия. Прежде всего оно соответствует его убеждению в многообразии и множественности сущего. Отсюда ведет происхождение «многознание» софиста — множественность бытия («тел сущего») вынуждает нас к развитию разнообразных знаний, касающихся самых разных сторон жизни, различных ее проявлений. С этим была связана методология его работы: Гиппий выделял наиболее важное и

«однородное», что позволяло ему классифицировать материал в полном соответствии со стоящими перед ним задачами. В результате, во-первых, «Собрание» стало попыткой систематизировать знания человечества о сущем в наиболее важных его разделах (начало всего, боги, история, опыт примечательных людей). Во-вторых, это был обучающий справочник, который позволял не только узнать различные факты, но и помогал формулировать суждения о прошлом так, что оно становилось источником опыта для настоящего. И в третью очередь оно было вспомогательным мнемотехническим средством, важным для процесса составления речей или риторических импровизаций.

«Гиппий из Элиды, сын Диопейта,
софист и философ, ученик Гегесидамы,
в качестве цели избирает самодостаточность.

Написал много»

Suda, s.v. Ἰππίας (1 543 Adler).

Гиппий из Элиды выглядит в платоновских диалогах, названных его именем, персонажем скорее комичным, чем серьезным: это хвастливый и не очень далекий человек, не способный различить при обсуждении вопроса о прекрасном атрибут и общее понятие. Впрочем, возможно, это связано не только с тем, что Платон относится к этому своему персонажу критически, ведь античная философия к моменту зарождения софистики уже начинает говорить о категориях. «Бытие», «несущее», «полное», «пустое» появляются в философских текстах именно как понятия — если не у Парменида (текст его «Поэмы» с этой точки зрения — предмет совершенно особой дискуссии), то уж почти наверняка у Горгия, Протагора, Демокрита. Нечувствительность Гиппия к смыслу вопросов Сократа, вероятно, связана с общефилософской интуицией элидца, которую можно обозначить как убеждение в многообразии и множественности сущего. В «Гиппии Большем» софист говорит Сократу: «Ты, Сократ, не рассматриваешь вещи в их целостности, впрочем, как и те, с кем ты обычно беседуешь. Ведь красоту и другие существующие вещи в своих рассуждениях вы изучаете, разделив и раздробив на мелкие части. Поэтому то от вас ускользают

тела, хотя по природе они и представляют собой большие и непрерывные сущности» (Pl. *Hr. mai.* 301b, пер. Е.В. Афонасина). Сократовская методика вычленения атрибутов и поиска оснований для их наличия (каковой оказываются соименные атрибутам идеи) Гиппий, похоже, рассматривает как дробление реальности на частности. Реальность для него — тела сущностей, именуемые в платоновском тексте «σώματα τῆς οὐσίας». Именно тела действуют или претерпевают, проявляя сходство или различие между собой — но не их гипостазированные атрибуты, о рассуждениях Сократа по поводу которых ниже Гиппий говорит, что все это всего лишь «ошметки и обрывки речей», «разрезанных на мелкие части» (Pl. *Hr. mai.* 304a). Отдельное тело или событие должно высказываться в речи как нечто целостное, оцениваемое в сравнении с другими целостностями, но не с какими-то фрагментами. Последнее происходит, когда речь философа-спорщика уводит слушателей от предметности телесного и очевидного мира к частностям — причем частностям даже не описания событий, а смысла слов, которые мы при этом используем.

Отсюда проистекает форма «полиматии» Гиппия — множественность бытия (тел сущего) вынуждает нас к развитию разнообразных знаний, касающихся самых разных сторон жизни, различных ее проявлений. Мудрец должен обладать способностью описать и зафиксировать в своих речах прошлое и настоящее, чтобы слушатель получил опыт и верное мнение. Такая многоучность невозможна без искусства мнемоники, о владении которым Гиппием у нас достаточно много свидетельств.

Для Платона подобный взгляд на природу существующего означает отказ от философии и мудрости — по крайней мере, в том виде, как основатель Академии их понимал. Отсюда и беспомощность платоновского Гиппия, знающего и умеющего много, но не способного дать определения или ответить на вопрос «почему».

Но оставим на совести Платона его оценку Гиппия как мыслителя. Для современной ему аудитории «палиматия» Гиппия была вполне уместным и «потребляемым» продуктом. С ней, видимо, была связана и автаркия как цель мудреца (см. выше, фрагмент из Суды, выбранный нами в качестве эпиграфа). В отличие от автаркии кинической и стоической, построенной на постоянной практи-

ке самоконтроля и отказе от всего, что не является необходимым для философа, Гиппий скорее всего имел в виду способность самостоятельно справляться с любыми проблемами, которые перед ним ставит жизненная ситуация, или вопросами, задаваемыми учениками. Здесь мы полностью согласны с предположениями о природе «автаркии» Гиппия, которые сделаны М. Венцовски и Е. Афонасиным¹.

Подтверждает такую трактовку известное место из «Гиппия Меньшего», где Сократ иронически описывает появление своего собеседника в Олимпии, представшего перед ее обитателями и многочисленными гостями в одежде и аксессуарах, полностью изготовленных им самим, а также принесшего на праздник многочисленные сочинения различных жанров, им же написанные (Pl. *Hr. mai.* 368b–e). Платоновский Гиппий особенно выделяет свою способность мгновенно ориентироваться во время беседы, не обращаясь ни к какой помощи извне: «прибывая всякий раз с родины, из Элиды, в Олимпию на всенародное празднество эллинов, я предоставлял себя в храме в распоряжение всякого, желающего послушать заготовленные мною образцы доказательств, и отвечал любому на его вопросы» (Pl. *Hr. mai.* 363c, пер. С.Я. Шейнман-Топштейн). Постоянно подчеркиваемая в античных источниках мнемоника Гиппия свидетельствует о том же. В некотором смысле софист из Элиды является наиболее ярким выражением «практико-ориентированного» понимания мудрости, с которым мы встречаемся во многих античных текстах.

Фигура Гиппия кажется практическим опровержением тезиса Гераклита о том, что многоученость уму не научает. В той сфере, где Гиппий нашел применение своим способностям, он был вполне успешен, следовательно, мог претендовать на статус мудрого. И перечень областей, в которых он слыл знатоком (мораль, геометрия, астрономия, музыка, изобразительное искусство, история, риторика) вызывает уважение. До александрийской эпохи, когда начинается более или менее четкая дифференциация в области интеллектуальной культуры (со своими представлениями о том, что действительно достойно ученого мужа), было еще далеко. Да и в

¹ См. Węcowski (2009). P. 1-2; Афонасин (2021). С. 165.

будущий, эллинистически-римский, период, никуда не делось почитание «полигисторов».

Если вспомнить ироничное противопоставление не сведущих в делах небесных обывателей и не разбирающихся в делах земных мудрецов из платоновского «Теэтета», то Гиппий безусловно не похож на тех витающих в облаках ученых мужей, образ которых так понравился Феодору Киренскому (Pl. *Th.* 172c и далее). Он вполне «посюсторонен» и не менее «досуж», чем его платоновский оппонент, Сократ. Но манера «демонстрации» его мудрости принципиально иная, чем у последнего.

Публичность, открытость и готовность в любой момент защитить свои способности, демонстрируя их отточенность в публичной полемике, для Гиппия (как и для большинства софистов) являются не только средствами обретения социальной успешности, но и необходимыми атрибутами свободного и достойного человека. Так, морально-поведенческие нормы не просто декларируются, но создается риторическое обоснование их — примером такого обоснования, видимо, был «Троянский диалог» Гиппия (Philostr. *V S.* I.11.4). Любой человек, получивший софистическое образование, в принципе мог легализовать свои действия — если они действительно законны — через риторическую апелляцию к общепринятому и к историческим прецедентам. Аристофан с одной стороны, платоновский Сократ с другой, показывают, как негативно воспринималась как минимум частью общества эта изощренная риторическая ловкость. Но сам Гиппий не трактовал риторiku как умышленную ловкость: жанр его речей (в том числе «Троянской») имел эпидейктический характер. Гиппий в них не просто обсуждал какие-то примечательные случаи, но выносил суждения. Многообразие знаний в данном случае не приводило к релятивизации в аспекте морального поучения. Наоборот, оно служило основанием для обобщения: знание о примечательных событиях прошлого превращало его носителя в аналог эпических мудрецов, подобных Нестору из Гиппиева «Троянского диалога».

Одно из сочинений, авторство которого приписывают Гиппию, по ряду обстоятельств вызывает интерес именно в контексте понимания эллидским мыслителем самой природы мудрости. Мы имеем в виду «Собрание», или «Сборник» (*Συναγωγή*), упомянутое

в «Пирующих софистах» Афиней. Миртил, один из участников этого диалога, говорит следующее: «красотой были прославлены многие женщины. Среди них — Фаргелия Милетская, которая замужем побывала четырнадцать раз и равно была знаменита красотой и мудростью, — об этом пишет софист Гиппий в книге под заглавием “Сборник”» (Athen. *Deipn.* XIII 608f, пер. К.Т. Голинкевича). Это, единственное, упоминание данного сочинения, а также характер информации, почерпнутой из него Афинеем, не препятствуют современным исследователям предполагать, что «Собрание» было чем-то большим собрания примечательных анекдотов. Важнейшим стимулом к этому является следующее свидетельство Климента Александрийского: «Но чтобы не длить далее это наше рассуждение, в котором мы показываем плагиат греков, приводя их собственные слова и мнения, вспомним свидетельство софиста Гиппия Элейского, который так писал о нашем предмете: «Одно из этого, пожалуй, сказано уже у Орфея, другое — у Мусея, третье — у Гомера, четвертое — у Гесиода, хотя вкратце и вразброс, а также у других поэтов и прозаиков, эллинских и варварских. Я же выбрал из всего этого наиболее важное и однородное, что придаст моему сочинению новизну и разнообразие» (Clem. *Strom.* VI. 15, 1-2, пер. Е.В. Афонасина).

Представляется вполне разумным предположить, что Климент цитирует именно «Собрание». М. Венцовски полагает, что данные слова взяты из проэмия к сочинению Гиппия¹. Действительно, Гиппий являлся одним из тех раннегреческих писателей, которые стояли у самого начала доксографии. Вполне вероятно, что целый ряд свидетельств о философских воззрениях «древних» и о мифо-теологических концепциях «варваров» позднейшие авторы заимствовали именно из «Собрания» Гиппия². Как пример, можно отметить указание Диогена Лаертского на созвучие информации Гиппия и Аристотеля о концепции всеобщей одушевленности, приписываемой Фалесу (Diog. Laert. *De Vita.* I.24). Причем источником информации для Аристотеля, вполне возможно, был именно Гиппий.

¹ Węcowski (2009). P. 12; см. также Patzer (1986). P. 20-30.

² См.: Patzer (1986), Светлов (2012).

Стремление элидца к систематизации знания отчетливо проявляется в свидетельстве о других сочинениях Гиппия. Так, ему приписывают «Названия народов», а также список олимпиоников. Оба указанных сочинения почти наверняка имели не только историко-познавательное, но и политическое значение. Созвучия в именах народов позволяли эллинам встроить их в свою эпическую историю. Классический пример — предания о Меде сыне Медеи и Эгея (или Ясона), который якобы вернулся вместе с матерью в Колхиду, завоевал земли нынешнего Ирана и стал основателем царства медов, т.е. Мидии. Интересно единственное свидетельство о содержании «Названий народов»: Гиппий «рационализует» известный миф о «спартах» как прародителях знатных родов Фив. Он полагает, что это не люди, родившиеся из высеянных Кадмом драконьих зубов, но некое племя (*Scholia ad Apollonium Rhodium*. 3.1179).

Список олимпиоников также имел четкое политическое значение: и права на Олимпию, и история гегемонии Спарты в Пелопоннесе получала выражение в том, кто принимал участие и побеждал во время Игр. Гиппий, как известно, не раз бывал в Спарте, в том числе и с политическими целями, так что он вполне вероятно составлял список, опираясь на элейские и спартанские представления об истории — что видно из последующих перечней, опиравшихся на Гиппия как на источник¹. Правда, именно этот список (вкуче с ироничной оценкой философствования Гиппия со стороны Платона) часто становится поводом для обвинения элидского мыслителя в фальсификации².

Могло ли иметь какой-то политический контекст «Собрание», сказать сложно. С одной стороны, приведенный Климентом фрагмент говорит скорее об истории философских и мифотеологических взглядов на сущее. С другой, мы помним о том, что рассказывал Гиппий в Спарте во время своих поездок туда. Спартанцев интересовало прошлое: рода героев и знаменитых людей, история заселения земель, освоения городов. Это все Гиппий называет «археологией», т.е. повествованием о «началах» (*Pl. Hp. mai.*

¹ Christesen (2005). P. 350-352.

² См., например: Martínez (2014).

285b–286a). Могли ли быть эти истории включены в «Собрание»? Указание на Таргелию подсказывает, что как минимум некоторые исторические свидетельства, подтверждающие какое-то из суждений, вполне могли. И с этой точки зрения некие политические предпочтения или не предпочтения вполне могли туда попасть.

Обратим внимание на «дизайн» исследования, который выбирает Гиппий. Он хочет писать о том, что наиболее «важно и однородно» (τὰ μέγιστα καὶ ὁμόφυλα) (Clem. *Strom.* VI.2.15.1-2). Великое — то, что наиболее важно. «Однородное» — в данном случае значит классифицированное, объединенное в тематические группы. Хотя для современного восприятия текст «Собрания», где, помимо «археологии» натурфилософской и богословской, присутствовали рассказы о примечательных женщинах и, вероятно, об «археологии» исторической, выглядел бы как один из примеров жанра «Смесь», сам Гиппий с этим бы не согласился. Дошедшие до нас примеры «смесей» (позднеантичные «строматы», «застольные беседы») несмотря на кажущийся эклектизм, были вполне четко тематически структурированы. Во времена Гиппия уже имелись примеры создания произведений-«каталогов» (от знаменитого «Каталога кораблей» в «Илиаде» и псевдо-гесиодовского «Каталога женщин» до «Генеalogий» Гекатея. Отдельно следует упомянуть сборники оракулов, ко времени Гиппия уже ставшие предметом для подражания («О природе» Гераклита). Гиппий, вероятно, собирался еще более четко структурировать свое повествование.

Отсутствие сколь-либо внятного набора свидетельств о «Собрании» дает простор для исследовательской фантазии. Так, А. Патцер, рассматривавший Гиппия прежде всего, как историка мысли, предполагал, что тот говорит в «Собрании» о воде как первоначально, об изменчивости сущего, о первичном всеобщем смешении, об Эросе. Поскольку в это время не было еще Аристотеля, который четко различил философский и теологи-поэтический виды дискурса, отказав второму в научности, то истоком для Гиппия вполне могли быть не только Фалес и Гераклит, но и эпические поэты, а также «варвары», в мифологических повествованиях которых, особенно о начале мира, темы смешения, доисторических вод, движения как источника жизни, Любви вполне представлены.

М. Венцовски¹ полагает, что в «Собрании» имелись главы о древних поэтах и мудрецах, о натурфилософских идеях, старинных законах² и обычаях, о географии (возможно, с уточнением отдельных наименований), наконец, собственно исторический раздел об «археологии» — т.е. о важных и примечательных древностях. Нам представляется, что можно предположить также наличие раздела о примечательных людях древности — примером чего могут быть уже указанный фрагмент о Фаргелии, а также одно место из Плутарха, где Гиппий характеризует Ликурга как крайне воинственно-го политика (Plut. *Lycurg.* 23,1).

Едва ли это сочинения представляло собой что-то вроде «записной книжки», краткого указателя-пособие, который можно было использовать во время дискуссии, как это полагал Р. Пфайфер: «Напротив, наиболее подходящей формой всех антикварных сочинений Гиппия и его современников, кажется, был каталог, список, *λίναξ*. Софист нуждался в этих знаниях как оратор и учитель; как и в других областях, его усилия были вдохновлены не научным интересом к обычаям жизни в прежние времена и даже не «историей культуры», а практическими потребностями его призвания»³. Такая, «минималистская» позиция представляется излишне скептической. Уже отмеченное стремление Гиппия систематизировать исторический материал с точки зрения значимости и «однородности» представлял собой не подспорье для мнемотехнических способностей, а средство становления мудрости. Информация о прошлом, прошедшая необходимую сортировку, перестает быть набором фактов. Новизна заключается и в том, что Гиппий узнал во время своих «археологических» изысканиях, и в способе расположения фактов в его «Собрании». Сохраняя разнообразие, информация «кристаллизуется» в нечто структурно целое. Если наше предположение верно, то проект Гиппия исполнял сразу несколько задач.

Во-первых, это действительно стало попыткой систематизировать знания человечества о сущем в наиболее важных его разде-

¹ Węcowski (2009). P. 15.

² Что могло быть связано с его различием норм жизни «по природе» и «по закону». Ср. Pl. *Prot.* 337c.

³ Pfeiffer (1968). P. 52.

лах (начало всего, боги, история, законы, опыт примечательных людей). Гиппий настроен вполне «космополитично», источниками для него становятся не только эллинские авторы (исторические и выдуманные), но и варвары¹. Во-вторых, это был настоящий обучающий справочник, который позволял не только узнать различные факты, но и получить способность высказывать суждения о прошлом так, что оно становилось источником опыта для настоящего. И лишь в третью очередь он был вспомогательным мнемотехническим средством.

Важным элементом стратегии Гиппия было то, что сейчас мы бы навали «научной добросовестностью». Во всяком случае, на это может указывать рассуждения элидского мыслителя о недопустимости клеветы (Stob. *Flor.* 3.42.10). Возможно, шутивное посредническое вмешательство Гиппия в спор между Протагором и Сократом в диалоге «Протагор» свидетельствует не только о его дипломатических способностях и о стремлении к золотой середине при составлении речей, но и о принципах подхода к изучаемому материалу. Исследователь, давая слово прошлому, должен совмещать в себе одновременно председателя суда, распорядителя, следящего за характером свидетельств и, наконец, выступить арбитром (Pl. *Prt.* 337c–338a).

В связи с этим можно предположить, что «многоученый» Гиппий создал «Собрание» как книгу, которая вполне соответствовала его типу мудрости. В ней все разнообразное и важное объединялось по тематическим рубрикам, не смешиваясь друг с другом, и не растворяясь за пеленой частных фактов. Книга позволяла обозревать сразу многое, свободно ориентироваться в примерах как суждений о различных важных для человека вещах, так и в примечательных поступках и исторических событиях. Такая группировка знаний была удобна и в формальном (мнемотехническом) и в содержательном аспектах: помня, как «оно все было» софист был способен выступить с прекрасной речью «в суде, совете или перед иными властями», убедить в своей правоте тех, кто ее слушает, и

¹ Особый вопрос, как он собирал эти сведения, особенно о «варварской» мудрости — в отличие от Фалеса, Пифагора, и даже Платона, вокруг Гиппия не сложилась мифология странствующего ради получения знаний мудреца. Светлов (2020). С. 210-212.

получить заслуженную награду, спася самого себя или своих друзей (Pl. *Hr. mai.* 304b). «Собрание» Гиппия было, возможно, чем-то вроде handbook'а для успешных и состоявшихся (самодостаточных, автаркичных) эллинов, сам типаж которых формируется именно во времена Первой софистики.

Материал поступил в редакцию 02.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
11.03.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Christesen, P. (2005) "Imagining Olympia: Hippias of Elis and the First Olympic Victor List", J.-J. Aubert, Z. Várhelyi, eds. *A Tall Order. Writing the Social History of the Ancient World. Essays in honor of William V. Harris.* Leipzig: K.G. Saur, 319-356.
- Martínez, J. (2014) "Hippias of Elis: Lessons from One Master Forger", J. Martinez, ed. *Fakes and Forgers of Classical Literature: Ergo Decipiatur!* Leiden- Boston: Brill, 163-178.
- Patzer, A. (1986) *Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker.* Freiburg-München: K. Alber.
- Pfeiffer, R. (1986) *History of classical scholarship from the beginnings to the end of the Hellenistic age.* Oxford: Clarendon Press.
- Węcowski, M. (2009) "Hippias of Elis", I. Worthington, ed. *Brill's New Jacoby.* Leiden – Boston: Brill Online.
- Афонасин, Е.В. (2021) *Греческие софисты: фрагменты и свидетельства.* СПб.: Издательство РХГА.
- Светлов, Р.В. (2012) «Тувал-каин, Гиппий, Платон и возможные ближневосточные корни образа софиста в одноименном диалоге Платона», *Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии* 13 (3), 44-51.
- Светлов, Р.В. (2020) «Странствующие мудрецы. Часть 2», *Вестник Российского Философского Общества* 1-2 (91-92), 210-219.

Roman V. SVETLOV

HIPPIA'S «COLLECTION» —
HANDBOOK FOR THE WISE

Despite the obvious revival of interest in the First Sophistry in recent decades, Hippias of Elis is poorly considered in the context of the history of ancient education. Evidences about his philosophical views are not investigated as something significant in the development of ancient philosophy. Usually Hippias is interpreted as a representative of the nascent genre of doxography. Meanwhile, there is an opportunity to consider evidence of his work, teaching, genre of his texts as an element of the history of the “higher” levels of ancient education, intended for successful and self-sufficient members of ancient society. This social type was formed precisely in the era of the First Sophistry. The central subject of this paper is the «Collection» of Hippias. Despite the minimum of information about this text available to a modern scholar, there is a steady tendency to associate a number of evidences about the work of Hippias with this text. I will try to show that the hypothetical content of the “Collection” is in good agreement with the available information about the wisdom of Hippias. First of all, it corresponds to his belief in the diversity and plurality of being. This is the origin of the sophist's multi-scholarship — the multiplicity of being (the bodies of beings) forces us to develop a variety of knowledge concerning the most diverse aspects of life, its various manifestations. The methodology of his work was connected with this: Hippias singled out the most important and “homogeneous”. It allowed him to classify the material in full accordance with the tasks facing him. As a result, firstly, this text was an attempt to systematize human knowledge about existence in its most important sections (the beginning of everything, the gods, history, the experience of remarkable people). Secondly, it was a teaching guide that allowed not only to learn various facts, but also helped to formulate judgments about the past so that it became a source of experience for the present. And thirdly, it was an auxiliary mnemonic tool, important for the process of writing speeches or rhetorical improvisation.

REFERENCES

- Afonasin, E.V. (2021) *Grecheskie sofisty: fragmenty i svidetel'stva*. SPb.: Izdatel'stvo RHGA.
- Christesen, P. (2005) "Imagining Olympia: Hippias of Elis and the First Olympic Victor List", J.-J. Aubert, Z. Várhelyi, eds. *A Tall Order. Writing the Social History of the Ancient World. Essays in honor of William V. Harris*. Leipzig: K.G. Saur, 319-356.
- Martínez, J. (2014) "Hippias of Elis: Lessons from One Master Forger", J. Martinez, ed. *Fakes and Forgers of Classical Literature: Ergo Decipiatur!* Leiden – Boston: Brill, 163-178.
- Patzer, A. (1986) *Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker*. Freiburg-München: K. Alber.
- Pfeiffer, R. (1986) *History of classical scholarship from the beginnings to the end of the Hellenistic age*. Oxford: Clarendon Press.
- Svetlov, R.V. (2012) "Tuval-kain, Gippij, Platon i vozmozhnye blizhnevostochnye korni obraza sofista v odnoimennom dialoge Platona", *Vestnik Russkoj Hristianskoj Gumanitarnoj Akademii* 13 (3), 44-51.
- Svetlov, R.V. (2020) "Stranstvujushhie mudrecy. Chast' 2", *Vestnik Rossijskogo Filosofskogo Obshhestva* 1-2 (91-92), 210-219.
- Węcowski, M. (2009) "Hippias of Elis", I. Worthington, ed. *Brill's New Jacoby*. Leiden – Boston: Brill Online.